В неменьшей степени это относится к излюбленным развлечениям в общественных местах (или, как в Саудовской Аравии, запрету их значительной части). Если саудийцу было запрещено курить на людях табак, то йеменец в послеобеденное время публично жевал местный наркотик «кат», для чего, можно сказать, официально было выделено целых два часа. Если западноадыгская (особенно шапсугская) девушка еще довольно свободно общалась с юношами на вечерних посиделках молодежи, то кабардинской девушке было уже запрещено главным кадием округа даже прикасаться к мужской руке во время публичных танцев[30]. И едва ли здесь нужно напоминать о том, какой яркой этнокультурной спецификой обладает традиционная праздничная, в меньшей степени траурная обрядность, игровой и обрядовый, песенный и музыкальный, дидактический и иной фольклор, которые тоже далеко не всегда замкнуты в стенах дома, а вынесены на люди[31].

Подведем некоторые итоги.

Каждому основному компоненту культуры соответствует своя сфера общественного быта. Как и основные компоненты культуры, эти сферы как бы накладываются друг на друга, образуя смежные общие зоны. Но в отличие от объема основных компонентов культуры объем этих сфер, в особенности этнокультурный, этнически окрашенный, различен. Первично-производственная сфера очень невелика, непосредственно жизнеобеспечивающая и социоструктурная — крупнее, соционормативная и фольклорная — еще больше. Кроме того, если среди основных компонентов культуры определяющим (по Ю. И. Мкртумяну — доминантным[32]) является первично-производственный компонент, то среди сфер общественного быта это, по-видимому, — социоструктурная сфера, которая, уступая в этнокультурном объеме некоторым другим, представляет собой структурную основу всех общественно-бытовых сфер.

В связи с этим приобретает значение порядок исследования сфер общественного быта. Начать его рассмотрение с первично-производственного быта, а затем поочередно перейти к быту непосредственно жизнеобеспечивающему, социоструктурному, соционормативному и фольклорному — это в данном случае значит начать с малосущественного и только после этого перейти к наиболее существенному. Поэтому продуктивнее начать рассмотрение с социоструктурного быта, переходя от него к первично-производственному, непосредственно жизнеобеспечивающему, достаточно тесно соприкасающемуся с ними соционормативному и, наконец, к фольклорному быту исходной структуры или структур.

В целом компонентный анализ культуры не побуждает к принципиальному пересмотру интуитивно принятого ранее в части этнографических работ порядка рассмотрения общественного быта от характеристики социальных структур к явлениям связанного с ними быта. Но он позволяет существенно уточнить этот порядок за счет более систематичного и полного изложения относящихся к теме данных.

---

[30] *Смирнова Я. С.* Семья и семейный быт..., с. 104.
[31] См.: Народы Передней Азии; Народы Кавказа, т. 1—2. М., 1960—1962.
[32] *Мкртумян Ю. И.* Указ. раб., с. 44.

А. Н. Ямсков

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЭВОЛЮЦИИ ФОРМ СКОТОВОДСТВА У ТЮРКОЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Исследования по традиционному скотоводству и его типологии (классификации) довольно многочисленны, но их выводы зачастую представляются дискуссионными[1]. К тому же, на наш взгляд, ученые обычно не

[1] *Андрианов Б. В.* Неоседлое население мира. М.: Наука, 1985, с. 42; там же см. обзор типологий скотоводства, образа жизни и подвижности населения (с. 59—81).

уделяют должного внимания экологическому содержанию форм (или иных единиц типологии) скотоводства, а при анализе исторической динамики этих форм — влиянию на их эволюцию природной среды и особенно ее изменений, вызванных хозяйственной деятельностью человека.

Проблемами взаимосвязей в системе хозяйство — ландшафт у нас занимаются преимущественно географы, работающие в областях исторической географии и антропогенного ландшафтоведения[2]. Влияние природной среды на хозяйство и воздействие хозяйственного освоения территории на природные ландшафты изучается давно, но третий аспект данной проблемы, т. е. влияние географической среды, уже существенно измененной человеком, на дальнейшее развитие хозяйства, лишь сравнительно недавно привлек внимание ученых[3]. В зарубежной литературе подобные вопросы решаются не только в рамках географии, но и «экологической этнографии»[4].

Материалы по этнографии и географии Северного Кавказа содержат примеры, позволяющие, как нам кажется, раскрыть роль факторов антропогенного изменения природной среды региона в смене форм скотоводства у местных народов[5]. Однако поскольку указанная тема совершенно не разработана, предлагаемые выводы не претендуют на то, чтобы считаться окончательными.

Поставленные задачи ограничивают круг рассматриваемых проблем. До определенной степени искусственным, но оправданным с точки зрения целей данной работы представляется объединение в ее рамках различных по происхождению и особенностям хозяйства тюркоязычных народов Северного Кавказа — ставропольских туркмен, ногайцев, кумыков, балкарцев и карачаевцев. Анализ скотоводства этих народов под предложенным углом зрения имеет особый интерес в силу ряда причин. В их традиционных культурах на примерах пищи, одежды, жилища и т. п. выявлены идущие от кочевников-тюрок традиции. Вопрос о подобном наследии важен, ибо в XIX — начале XX в. в хозяйстве упомянутых народов по-прежнему сохранялась ведущая роль скотоводства[6], хотя они и освоили весьма разнородные в экологическом отношении территории. К тому же у них сложился почти полный набор форм скотоводства, характерных для хозяйства народов третьей группы хозяйственно-культурных типов (оседлые пашенные земледельцы и скотоводы, а также кочевники и полукочевники)[7].

Ныне при типологизации скотоводства и связанных с ним явлений культуры в советской науке применяется ряд подходов. Так, Г. Е. Марков и К. П. Калиновская считают целесообразным создание единой типологической схемы, различные иерархические уровни которой последовательно отражают специфику общественных отношений и образа жизни населения, а также хозяйства в целом (определяемую по относительному значению земледелия и скотоводства) и, наконец, собственно

---

[2] *Жекулин В. С.* Историческая география. Л.: Наука, 1982; *Куракова Л. И.* Антропогенные ландшафты. М.: Изд-во МГУ, 1976.

[3] *Герасимов И. П.* Человек и среда. Современные аспекты проблемы.— Изв. АН СССР. Сер. геогр., 1971, № 1, с. 5.

[4] Одно из основных положений экологической этнографии: «В процессе адаптации культура трансформирует ландшафт и соответственно бывает вынуждена приспосабливаться к тем постоянным изменениям среды, которым сама положила начало». См.: *Sahlins M. D.* Culture and Environment. The Study of Cultural Ecology.— In: Horizons of Anthropology/Ed. Tax S. L., 1965, p. 133.

[5] «Формой скотоводства» (далее — ФС) целесообразно называть любой из таксонов, выделяемых в типологии скотоводства. Ниже понятие ФС употребляется нами в качестве синонима как типа, так и варианта скотоводства. Введение подобного универсального термина облегчает обобщения и сопоставления, избавляя их от излишней конкретизации и, кстати, является общепринятым в науках, отличающихся лучшей разработанностью вопросов типологии (систематики), см. на примере биологии: *Алексеев В. П.* Становление человечества. М.: Политиздат, 1984, с. 189; ландшафтоведения: *Арманд Д. Л.* Наука о ландшафте. М.: Мысль, 1975, с. 198.

[6] Исключая кумыков, ведущей отраслью хозяйства которых было орошаемое земледелие. См. *Гаджиева С. Ш.* Кумыки. М.: Изд-во АН СССР, 1961, с. 163.

[7] *Андрианов Б. В.* Указ. раб., легенда к карте на форзаце.

скотоводства[8]. Большинство же советских исследователей исходят в первую очередь из особенностей образа жизни и хозяйства, а непосредственно скотоводству уделяют внимание лишь на последующих этапах типологизации. При этом первенствующее значение в ряде случаев могут приобретать различия в образе жизни населения[9] или в хозяйстве в целом[10], а иногда пространственно-географические аспекты ведения хозяйства и самого скотоводства[11].

Существует, однако, и еще один подход. Так, М. О. Османов предлагает использовать на первом, основном этапе только критерии, прямо относящиеся к скотоводству и организации труда в этой отрасли хозяйства. Определяемые подобным образом типы скотоводства могут затем группироваться по образу жизни, а в более общем плане — по хозяйственно-культурным типам и, наконец, по социальным характеристикам населения[12]. Именно последняя точка зрения представляется нам наиболее обоснованной. Этот подход, например, позволяет полностью учитывать различия в ФС у населения с разным образом жизни, проявляющиеся и в ведении скотоводства. Только при таком подходе в типологию скотоводства не привносятся заранее заданные выводы, полученные при выделении типов социальной организации, образа жизни или хозяйства в целом, т. е. в процессе типологизации иных областей культуры.

Разделяя с М. О. Османовым указанную общую ориентацию в вопросах типологии скотоводства, мы тем не менее получили существенно иные результаты[13]. Предлагаемое решение основано на применении по сути этноэкологических критериев типологизации, которые отражают специфику пищевых цепей, связывающих семьи скотоводов (первичные хозяйственные ячейки) с домашними животными и освоенной территорией, а также особенности использования последней[14].

Скотоводство всегда предполагает вмешательство человека в пищевые связи разводимых животных с освоенной территорией. Это выражается в контролировании этих связей (отвод присельских угодий под выпас в придомном скотоводстве), количественном изменении (в подвижном и номадном скотоводстве перегоны стада между отдаленными сезонными пастбищами отражают смену занимаемых животными экологических ниш[15]) и даже в качественной трансформации (стойловое содержание соответствует созданию «искусственной», постоянно поддерживаемой трудом человека экологической ниши). ФС различаются также по особенностям пищевых связей семей скотоводов с принадлежащими им животными, в частности в летний сезон, когда производится основная масса молочных продуктов. Территориальная близость стада и семьи скотовода определяет постоянство этих связей в придомных ФС оседлого и в ФС неоседлого населения. Однако при подвижном скотоводстве оседлого населения на дальние пастбища отправляется только обслуживающий персонал, т. е. меньшая часть членов семьи либо вооб-

---

[8] *Калиновская К. П., Марков Г. Е.* Скотоводы Азии и Африки. Проблемы исторической типологии и периодизации.— Вестн. МГУ. сер. 8. История, 1983, № 5, с. 63—64.

[9] *Кармышева Б. Х.* Рец. на кн.: Шамиладзе В. М. Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1979.— Советская этнография (далее — СЭ), 1982, № 3, с. 167—168.

[10] *Симаков Г. Н.* О принципах типологизации скотоводческого хозяйства у народов Средней Азии и Казахстана в конце XIX — начале XX века.— СЭ, 1982, № 3, с. 74—75.

[11] *Шамиладзе В. М.* Хозяйственно-культурные и социально-экономические проблемы скотоводства Грузии. Тбилиси: Мецниереба, 1979, с. 58—59.

[12] *Османов М. О.* О формах и типах скотоводства (По материалам Дагестана. XIX в.).— СЭ, 1984, № 6, с. 83.

[13] Подробнее см. *Ямсков А. Н.* Этноэкологический подход к классификации форм скотоводства.— В кн.: Этническая культура: динамика основных элементов. М., 1984, с. 5—17.

[14] Изучение пищевых цепей как основных каналов вещественно-энергетического обмена, связывающих живые организмы в экосистемах, является одной из основных задач современной экологии. См.: *Дажо Р.* Основы экологии. М.: Прогресс, 1975, с. 310—314; *Козлов В. И.* Основные проблемы этнической экологии.— СЭ, 1983, № 1, с. 8.

[15] Понятие «экологическая ниша» в первую очередь раскрывает «как, где и чем питается» изучаемый вид. См. *Дажо Р.* Указ. раб., с. 180.

ще наемные работники, а для большей части этой же семьи связи с отогнанным скотом временно прерываются.

Таким образом, в основу типологии скотоводства нами положено: 1) разделение ФС на включающие сезон стойлового содержания и без него[16]; 2) разграничение ФС оседлого (в том числе практикующего подвижное скотоводство) и неоседлого (т. е. кочевого, полукочевого и полуоседлого[17]) населения[18]; 3) противопоставление ФС с постоянными пищевыми связями скотоводов с животными (придомные ФС оседлого и все ФС неоседлого населения) и ФС с временным территориальным отрывом стада от основной части членов семей скотоводов и соответственно сезонным разрывом прямых пищевых связей между ними (подвижное скотоводство оседлого населения).

Исходя из сказанного, мы выделяем 6 типов скотоводства, которые в соответствии с особенностями образа жизни практикующего их населения группируются следующим образом. Придомное скотоводство оседлого населения включает *придомно-стойловый* (1) тип с (сезоном стойлового содержания) и *придомно-перегонный* тип (2) (с содержанием скота в течение всего года на присельских пастбищах на подножном корму); подвижное скотоводство оседлого населения с сезонным отходом части работников включает *отгонный* тип (3) (с сезоном стойлового содержания) и *перегонный* тип (4) (с круглогодичным содержанием на подножном корму); номадное скотоводство неоседлого населения включает *яйлажный* тип (5) (с сезоном стойлового содержания) и *пастбищный* тип (6) — без стойлового содержания.

Яйлажный и пастбищный типы скотоводства неоседлого населения отличаются от отгонного и перегонного типов скотоводства оседлого населения тем, что со стадами на дальние пастбища переселяются не только работники (иногда и работницы), но полные (или почти полные) семьи скотовладельцев, обычно включающие не занятых в скотоводстве и вообще не работающих членов (маленькие дети, старики). Однако по таким экологически значимым параметрам, как характер используемых кормов, степень прямой зависимости от условий географической среды и их изменчивости на протяжении ряда лет, интенсивность, стабильность поголовья и продуктивности скота, яйлажный и отгонный, пастбищный и перегонный типы скотоводства взаимно близки друг другу и представляют сходные по результатам, но различные по механизму действия формы этнокультурной адаптации. Смену типов скотоводства, т. е. качественное преобразование характера этнокультурной адаптации, мы относим к эволюционным изменениям в рамках ФС.

В каждом из названных выше четырех типов скотоводства, основанных на эксплуатации обширных территорий, можно выделить по три варианта. Критерием служат особенности ландшафтной структуры, используемые при перегонах скота. Такими вариантами являются: 1) равнинный — выпас проводится в зональных равнинных ландшафтах не менее двух природных зон или подзон; 2) горный — используются ландшафты минимум двух высотных поясов или высотного пояса в горах и природной зоны на равнине; 3) локальный — явления высотной поясности и зональности ландшафтов не учитываются, маршруты движения стада определяются наличием азональных, например приречных, ландшафтов либо чисто местными, локальными особенностями распределения растительности и водопоев.

Переход от одного варианта к другому в рамках одного типа скотоводства отражает смену (иногда легко обратимую) форм адаптации к условиям природной среды, но не сопровождается, однако, качественным

---

[16] Принципиальная важность такого разграничения уже отмечалась. См.: *Алексеев В. П.* Указ. раб., с. 380; *Османов М. О.* Указ. раб., с. 83.

[17] Объяснение различий между этими группами населения см. *Вайнштейн С. И.* Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М.: Наука, 1972, с. 71—73.

[18] О необходимости подобного противопоставления см. *Руденко С. И.* К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и кочевниках.— Материалы по этнографии (Географическое общество СССР), вып. 1. Л., 1961, с. 4.

изменением уровня этой адаптации. Подобные трансформации не относятся к числу эволюционных.

Так, в начале XX в. пастбищный тип скотоводства в его равнинном и локальном вариантах сохранился у кочевой части, т. е. у трети ставропольских туркмен, но еще в середине XIX в. для всего народа был характерен только равнинно-пастбищный вариант[19]. Бытование у туркмен Предкавказья скотоводства с сезонными перекочевками на 150 км и более определялось теми же экологическими факторами, что и отмеченное, например, у принявших участие в их этногенезе прикаспийских казахов[20] так называемое меридиональное кочевание между летними степными пастбищами на севере и зимними полупустынными и пустынными на юге[21]. Эту ФС мы называем равнинно-пастбищной, поскольку она отражает не перемещения населения со стадами с юга на север и обратно, а сезонное использование под выпас фоновых (зональных) ландшафтов равнин разных природных зон.

Например, кочевые ставропольские туркмены зимовали на р. Куме и к юго-востоку от нее, в приречных камышах и окружающих полынных полупустынях и пустынях, а на лето уходили к излучине р. Калаус, в типчаково-ковыльные степи[22]. Таким образом, в течение года они выпасали свой скот в трех ландшафтных зонах (пустыни, полупустыни, степи). Однако границы природных зон в Западном Прикаспии вытянуты не широтно, как в центре Евразии, а практически меридионально, и туркмены, используя эффект зональности растительного покрова равнин и сохраняя соответственно равнинно-пастбищный вариант скотоводства, кочевали с востока — юго-востока на запад — северо-запад, т. е. почти в широтном направлении. Сходная ландшафтная структура на противоположной окраине степей Евразии, в Восточной Монголии, также обусловила развитие равнинно-пастбищного варианта скотоводства при широтном или близком к широтному кочевании[23].

Локально-пастбищный вариант скотоводства в начале XX в. господствовал примерно у половины кочевых туркмен («закумские» хозяйства) и в некоторых «оседлых» аулах, часть жителей которых фактически вели полукочевой образ жизни, уходя на лето в степь с семьями, кибитками и скотом. Этот же вариант преобладал у степных ногайцев[24] Терско-Кумского междуречья, т. е. у кочевников (караногайцы) и полукочевников (часть джембойлуковцев и большинство едишкульцев). «Закумская» группа туркмен, не уходивших на летние пастбища к северо-западу от Кумы, выделилась в конце XIX в. Составлявшие ее мелкие общины и отдельные семьи самостоятельно кочевали вблизи одного или нескольких водных источников, обычно не удаляясь от них более чем на 7 км; зимой часть их отходила к камышам долины Кумы, часть же оставалась в степи. Степные ногайцы также кочевали между источниками по замкнутым кругам, обычно занимая территорию радиусом всего в 10—25 км[25] (так называемое стационарное кочевание[26]).

Подобный характер кочевания у степных ногайцев не был строго постоянным, и в первую очередь потому, что их земли в основном находились в сухостепной подзоне, отличающейся наибольшей среди ландшафтных подзон мира нестабильностью в выпадении осадков[27]. В особенно засушливые годы ногайцы часто были вынуждены перекочевывать в по-

---

[19] *Щеглов И. Л.* Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии, т. 1. Ставрополь, 1910, с. 112, 181, 199. Все приводимые ниже быз ссылок фактические данные о хозяйстве ногайцев и туркмен взяты также из этой капитальной работы.

[20] Там же, с. 111.

[21] *Марков Г. Е.* Кочевники Азии. М.: Изд-во МГУ, 1976, с. 162.

[22] Физико-географический атлас мира, М.: ГУГК, 1964, с. 240—241.

[23] *Батнасан Г.* Некоторые особенности перехода к оседлому образу жизни в Монгольской Народной Республике.— СЭ, 1977, № 2, с. 71, 73.

[24] В работе рассматриваются только перечисляемые ниже группы ногайцев Северного Кавказа.

[25] *Гаджиева С. Ш.* Материальная культура ногайцев в XIX—XX вв. М.: Наука, 1976, с. 25.

[26] *Марков Г. Е.* Указ. раб., с. 283.

[27] *Мордкович В. Г.* Степные экосистемы. Новосибирск: Наука, 1982, с. 99.

исках пастбищ и воды на расстояния в 70—100 км и более[28]. В Восточном Предкавказье, где ландшафтные зоны и подзоны сравнительно узки, это обычно означало выход в соседние подзоны, т. е. переключение на равнинно-пастбищный вариант скотоводства. Подобные переходы, обусловленные периодическими изменениями природных условий, происходили у кочевников довольно часто, были легко обратимыми и, как указывалось выше, не означали эволюционных изменений скотоводства.

Едисанцы, как и основная масса джембойлуковцев и населения многих туркменских аулов, а также часть едишкульцев к началу XX в. перешли к оседлости. Их скот в течение всего года пастухи пасли на приаульных пастбищах, зимой эпизодически подкармливая соломой и сеном только больных, ослабевших животных (придомно-перегонный тип скотоводства), но рабочий скот находился всю зиму на стойловом содержании (выгонный вариант придомно-стойлового типа скотоводства). Крайне малое распространение стойлового содержания скота у ставших оседлыми ногайцев и туркмен объяснялось не столько природными условиями, сколько сохранением кочевнических традиций пастбищного скотоводства и биологическими особенностями разводимых ими пород домашних животных. Например, по сведениям И. Л. Щеглова, в этом же районе русские крестьяне и крупные предприниматели-скотопромышленники даже таких приспособленных к зимнему выпасу животных, как овцы, зимой обычно ставили на стойловое содержание соответственно на 1,5—2 и 3 месяца. Но в хозяйстве у них были представлены иные породы овец, более продуктивные и требовательные к условиям содержания (волошская у крестьян, мазаевская мериносовая у скотопромышленников, а у ногайцев и туркмен — калмыцкая и близкие к ней породы).

Преобладание на рубеже XIX—XX вв. локально-пастбищного варианта скотоводства у большинства степных ногайцев было обусловлено резким уменьшением площади их земель в XVII—XIX вв., а также в некоторой степени, по-видимому, и ухудшением условий выпаса скота из-за антропогенного опустынивания остававшихся у них пастбищных угодий. На значимость второго фактора указывает пример кочевых ставропольских туркмен, половина которых также перешла к этому варианту, хотя другая половина продолжала вести равнинно-пастбищное скотоводство с далекими сезонными перекочевками по оставшейся неизменной территории Туркменской степи.

Развитие антропогенного опустынивания в Ногайской и Туркменской степях во второй половине XIX в. было отмечено современниками, указывающими на исчезновение малых рек и родников. Отмечалось также, что на месте богатых пастбищ кочевников и пашен русских арендаторов появились обширные участки, практически полностью лишенные растительности и подвергавшиеся интенсивной водной эрозии (на плотных, тяжелых почвах) либо развеванию песков[29]. Естественными ландшафтами района являются степи на западе и юге, полупустыни в центре и пустыни на крайнем северо-востоке. Но даже сейчас большие площади здесь занимают развеваемые (барханные) и полузакрепленные пески, характерные для естественных ландшафтов только экстрааридных пустынь[30], получающих в 3—4 раза меньше осадков.

Именно падение продуктивности пастбищ в результате антропогенного опустынивания помогает объяснить следующий факт. В 1870—1910-е годы численность караногайцев уменьшилась, площадь их земель не менялась, а поголовье скота, в пересчете на условное[31], сократилось почти вдвое, несмотря на 55%-ное увеличение количества овец, которые, кстати, значительно лучше приспособлены к выпасу на

[28] *Гаджиева С. Ш.* Материальная культура ногайцев в XIX—XX вв., с. 33.

[29] *Иванов Д. Л.* Влияние русской колонизации на природу Ставропольского края.— Изв. Русск. геогр. о-ва (РГО), т. 22, вып. 3. СПб., 1886, с. 225—254; *его же.* Исследования в Ставропольской губернии.— Горный журн., т. 3, № 7. СПб., 1886, с. 91—105; *Якобий А. И.* Тюрки степей Северного Кавказа. СПб., 1901, с. 9, 24.

[30] *Арманд Д. Л.* Географическая среда и рациональное использование природных ресурсов. М.: Наука, 1983, с. 72.

[31] Нами использованы переводные коэффициенты ФАО, см. *Вольф М. Б., Дмитревский Ю. Д.* География мирового сельского хозяйства. М.: Мысль, 1981, с. 234.

малопродуктивных опустыненных пастбищах, чем крупный рогатый скот или лошади. В целом же скотоводство караногайцев к началу XX в. пришло в упадок из-за нехватки на пастбищах кормов и водопоев[32], коровы, например, сильно измельчали, и надои от каждой из них резко снизились[33].

Воздействие антропогенного опустынивания на динамику ФС кочевников и полукочевников можно представить в следующем виде. Известно, что даже умеренный, но длительный выпас скота очень сильно изменяет природные ландшафты степей; при перевыпасе их продуктивность быстро снижается в 2—4 раза[34]. Естественная растительность уничтожается не только за счет ее поедания скотом; в среднем в три раза больший урон приносит вытаптывание[35]. Начинающееся с этого опустынивание впоследствии ведет к трансформации растительного покрова (который изреживается, меняются видовой состав и доминирующие жизненные формы растений) и к общей ксерофитизации ландшафта[36], в том числе высыханию небольших водотоков и источников. Сохранившие свое значение пастбища занимают уже не бо́льшую часть территории, как прежде, а отдельные участки; их кормовые качества определяются не столько положением в той или иной ландшафтно-растительной зоне, сколько степенью освоенности и соответственно сохранности поедаемых скотом растений. Это значительно усложняет перекочевки, но еще бо́льшие трудности приносит высыхание и без того малочисленных в сухих степях водопоев.

Богатые и сильные кочевые общины удерживают лучшие из сохранившихся водопоев и пастбищ под своим контролем и продолжают сезонные перекочевки по близким к прежним маршрутам. Но мелкие общинам не под силу выдержать конкуренцию с ними, особенно за пользование уцелевшими источниками на далеких летних пастбищах. Они оказываются как бы «привязанными» к немногим, а часто и к одному источнику воды на более обжитых зимних пастбищах; имеющееся же в их распоряжении небольшое количество скота может прокормиться там в течение всего года. Описанное положение укрепляется тем, что у малых общин либо самостоятельно кочующих семей остаются худшие водопои, менее надежные и требующие наибольших и почти постоянных трудовых затрат на свое устройство. Таким образом, часть населения вынужденно переходит от равнинно-пастбищного к локально-пастбищному скотоводству, что и имело место у «закумских» туркмен.

Антропогенное опустынивание сделало также территорию Терско-Кумского междуречья в основном непригодной для хлебопашества (в начале XX в. в Караногае, например, под посевы годилось менее 1/10 части всех земель, а для выпаса — только половина[37]). Несомненно, это во многом объясняет[38], почему в середине — конце XIX в. кочевавшие степные ногайцы и туркмены уже не занимались земледелием, а современники считали, что оседавшие группы кочевников переходили к земледелию впервые в своей истории[39]. Между тем обитавшие в этих степях половцы и их потомки в XIII—XV вв. вели полукочевое хозяйство, вклю-

---

[32] *Капельгородский Ф. И.* Караногай.— Зап. Терского о-ва любителей казачьей старины, № 10. Владикавказ, 1914, с. 48, 50.

[33] *Калмыков И. Х.* Из истории скотоводства у ногайцев в XIX — начале XX в.— В кн.: Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1980, с. 138—139.

[34] *Мордкович В. Г.* Указ. раб., с. 18.

[35] *Арманд Д. Л.* Наука о ландшафте, с. 219.

[36] Подробнее см.: *Алексеев Б. А., Посыпкин А. К., Ямсков А. Н.* Ландшафтный подход к исследованиям процессов опустынивания.— В кн.: Борьба с опустыниванием путем комплексного развития (Международный симпозиум). Ташкент, 1981, с. 151, 152.

[37] *Капельгородский Ф. И.* Указ. раб., с. 46.

[38] Не менее важную роль сыграло изъятие у кочевников наиболее плодородных и увлажненных земель у Терека и других рек, а также усиление специализации кочевого хозяйства на скотоводстве в условиях быстрого роста торговли с крестьянами и казаками.

[39] *Фарфоровский С. В.* Ногайцы Ставропольской губернии.— Зап. Кавказск. отд. РГО (далее — ЗКОРГО), кн. 26, вып. 7. Тифлис, 1909, с. 10; *его же.* Трухмены (туркмены) Ставропольской губернии. Казань, 1911, с. 15; *Якобий А. И.* Указ. раб., с. 5, 11.

чавшее земледелие[40]; ногайцы имели пашни у р. Кумы в XV в.[41]; наконец, еще в 1802 г. у едисанцев, джембойлуковцев и караногайцев были небольшие посевы хлебов[42].

Антропогенное опустынивание Терско-Кумского междуречья обычно объясняют нерациональным характером природопользования самих кочевников[43]. Но не стоит приуменьшать негативную роль богатых крестьян и скотопромышленников, часто арендовавших лучшие угодья кочевников во второй половине XIX в. Они пользовались землей непродолжительное время (аренда на срок более 6 лет запрещалась) и потому не были заинтересованы в сохранении плодородия степи, которая эксплуатировалась самым хищническим образом под выпас скота и неорошаемое земледелие; часто такие арендаторы действительно оставляли после себя пустыню[44].

В степи и полупустыни Приморской равнины Дагестана пастбищный тип скотоводства в начале XII в. принесли половцы, ставшие одним из важнейших компонентов в этногенезе кумыков. Первоначально половцы практиковали здесь горно-пастбищный вариант с использованием зимних пастбищ на равнине и летних — в окружающих горах и предгорьях[45]. Но несмотря на благоприятные в основном природные условия, кочевничество сравнительно быстро пришло в упадок . Уже в XIV в. население Кумыкии было оседло-земледельческим[46]; впоследствии хозяйство кумыков также основывалось на орошаемом земледелии[47].

Видимо, переход в средневековье части населения Кумыкии к оседлости и земледельческому по преимуществу хозяйству в основном был обусловлен действием эколого-демографических факторов: поголовье стад не могло увеличиваться пропорционально росту населения из-за ограниченности земельно-пастбищных ресурсов этой местности. Значение же земледелия, дающего при тех же размерах освоенной территории во много раз больше продовольствия, чем скотоводство, неуклонно росло. Известно, что пастбищное скотоводство как наиболее экстенсивный вид землепользования требует для прокормления одного человека в течение года в среднем 1 км^2, тогда как в тех же природных условиях при земледельческом хозяйстве необходима в 100 раз меньшая площадь[48], причем при искусственном орошении пашни эта цифра уменьшается еще в несколько раз.

Развитию поливного земледелия способствовало и то, что Кумыкия представляет собой в основном предгорную равнину и предгорья; ее территорию орошают реки и ручьи, дренирующие соседние горные области Дагестана. Несомненно также, что тенденцию перехода части средневекового населения Кумыкии от скотоводческо-кочевого к оседло-земледельческому хозяйству значительно усилило складывание в XIV—XV вв. экономической специализации равнинных, предгорных, горных и высокогорных районов Дагестана и налаживание между ними регулярного товарообмена[49].

[40] *Шнайдштейн Е. В.* Некоторые проблемы развития скотоводства Юго-Восточной Европы в эпоху средневековья.— Вестн. Калмыц. НИИ языка, литературы и истории. Сер. истор., 1974, № 9, с. 77, 81.

[41] *Керейтов Р. Х.* Некоторые вопросы экономической основы семьи у ногайцев в XIX — начале XX века.— В кн.: Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии (далее — ПАЭКЧ). Вып. 2. Черкесск, 1983, с. 129.

[42] *Щеглов И. Л.* Указ. раб., с. 137—138.

[43] *Крупнов Е. И.* За экономическое возрождение районов Прикаспийской низменности.— Сов. археология, 1961, вып. 3. с. 11—12; *Трушковский А. А.* История формирования Терско-Кумских песков и некоторые закономерности их зарастания.— Ботан. журн. СССР, 1958, № 10, с. 142; *Язан П. Г.* Терско-Кумские пески, их закрепление и использование. Грозный, 1955, с. 25.

[44] См. указанные работы Д. Л. Иванова, И. Л. Щеглова и А. И. Якобия.

[45] *Федоров Г. С.* К вопросу о пребывании половцев в Дагестане.— Пробл. археологии и этнографии, вып. 1. Л., 1977, с. 77.

[46] *Османов М. О.* Некоторые вопросы из истории хозяйства Дагестана.— Уч. зап. Ин-та истории, языка и литературы Дагест. фил. АН СССР. Сер. обществ. наук, т. 20. Махачкала, 1970, с. 287, 289.

[47] *Гаджиева С. Ш.* Кумыки, с. 66.

[48] *Куракова Л. И.* Указ. раб., с. 100.

[49] *Османов М. О.* Некоторые вопросы из истории хозяйства Дагестана, с. 286.

Таким образом, в хозяйстве кумыков сложились ФС, характерные для оседлого земледельческого населения. В конце XIX в. у них преобладал выгонный вариант скотоводства и обеспеченность кормами, особенно в период зимнего стойлового содержания, была хорошей. Благодаря этому крупный рогатый скот кумыков отличался большей величиной и продуктивностью по сравнению с породами, бытовавшими у горцев и азербайджанцев[50]. В некоторых селениях кумыки-овцеводы практиковали горно-перегонный вариант: летом мелкий рогатый скот пасли на высокогорных пастбищах Дагестана и Чечни, зимой — на равнинах Кумыкии, перегоняли скот и работали на пастбищах только чабаны-мужчины[51].

Сложный характер имела эволюция ФС у балкарцев и карачаевцев, в этногенезе которых велика роль половцев и алан[52]. Видимо, кочевнические традиции в образе жизни или скотоводстве этих тюркоязычных горцев могли быть унаследованы именно от половцев[53].

Сведения об образе жизни карачаевцев весьма противоречивы. Часто встречающиеся утверждения, что «на кош летом переселяется, обыкновенно, вся семья карачаевца»[54], а «в аулах остаются сторожа-старики, по одному на квартал»[55], позволяют сделать вывод о распространении неоседлого образа жизни у части карачаевцев[56]. Однако есть свидетельства и о том, что летом карачаевские аулы не пустели и из них уходили лишь пастухи[57], «оставляя по большей части семьи в аулах»[58].

Существует мнение, что полуоседлый образ жизни вели только бедные карачаевцы, переходившие на летние пастбища с семьями; в зажиточных же семьях для женщин уход в горы со скотом считался непрестижным и потому селения покидали лишь мужчины[59]. Однако эта точка зрения не бесспорна. Самые богатые карачаевцы (кулаки) в конце XIX в. действительно уже чаще всего не переселялись с семьями на летние коши, поскольку их скот в основном пасли наемные пастухи; главы таких семейств обычно ограничивались своего рода «инспекционными» поездками на пастбища. Но у бедняков на летних пастбищах часто вообще не было жилых построек, и там под открытым небом либо в шалашах жили только пастухи.

Наблюдательные очевидцы подметили, что многие малообеспеченные карачаевские семьи не имели постоянных летних кошей, т. е. жилых и хозяйственных построек с прилегающими пастбищами. В ауле Учкулан, например, из таких семей в горы со скотом уходили только мужчины, которые в течение летнего сезона были к тому же вынуждены несколько

---

[50] *Пантюхов И. И.* О кумыках.— ЗКОРГО, кн. 18. 1896, с. 101.

[51] *Сергеева Г. А.* Природно-географическая среда и этнокультурные контакты в Дагестане.— СЭ, 1981, № 3, с. 95.

[52] *Лавров Л. И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в.— Кавказский этнографический сборник (далее — КЭС), IV. М., 1969, с. 60.

[53] Ср. *Плетнева С. А.* Кочевники средневековья. Поиски исторических закономерностей. М.: Наука, 1982, с. 9, 59; *Тургиев Т. Б.* О скотоводстве у алан.— Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии, т. 2. Орджоникидзе, 1969, с. 126, 130.

[54] *Алиев У.* Карачай. Ростов-на-Дону, 1927, с. 107.

[55] *Дьячков-Тарасов А. Н.* Заметки о Карачае и карачаевцах.— Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа (далее — СМОМПК), вып. 25, отд. 1. Тифлис, 1898, с. 56.

[56] См. также: *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.: Наука, 1971, с. 221; *Дьячков-Тарасов А. Н.* В горах Большого и Малого Карачая.— СМОМПК, вып. 28, отд. 1, 1900, с. 81; *Кобычев В. П.* Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. М.: Наука, 1982, с. 180; *Невская В. П.* Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в. Черкесск, 1960, с. 37. Следует отметить, что у части карачаевцев-чабанов поныне сохраняется традиция брать с собой в горы всю семью на два-три летних месяца. См. *Шаманов И. М.* Современное животноводство и хозяйственный быт в Карачаево-Черкесии.— ПАЭКЧ, вып. 2, 1983, с. 156, 159.

[57] *Ваганов С. В.* Краткий очерк скотоводства в Кубанской области. Екатеринодар, 1895, с. 23; *Невская В. П., Шаманов И. М.* Хозяйство.— В кн.: Карачаевцы: историко-этнографический очерк. Черкесск, 1978, с. 66; *Сысоев В. М.* Карачай в географическом, бытовом и этнографическом отношении.— СМОМПК, вып. 40, отд. 1, 1909, с. 81.

[58] *Тепцов В. Я.* По истокам Кубани и Терека.— СМОМПК, вып. 14, отд. 1, 1892, с. 96.

[59] *Шаманов И. М.* Скотоводство и хозяйственный быт карачаевцев в XIX — начале XX в.— КЭС, V, 1972, с. 74.

раз перебазироваться с одного пастбищного участка на другой ввиду их малых размеров. Однако большинство привилегированных и более зажиточных семей узденей (горских дворян) этого же аула владело летними кошами с жильем и проводило там все лето, причем в этих семьях работоспособные члены сами пасли скот и изготавливали молочные продукты[60]. По словам современников, в летних кошах представители высших сословий Карачая «живут с семьями все лето»[61], а возвращения таких семей в аулы осенью иногда образно сравнивались с переездами «из своих летних дач-кошей»[62]. Эта картина соответствует последнему этапу эволюции кочевничества, когда основная масса населения жила уже оседло; о былом же укладе напоминали традиции кочевания только верхушки общества, выезжавшей в степь как в «имение»[63].

Противоречивость оценок образа жизни карачаевцев объясняется, видимо, следующим. После освобождения зависимых сословий во второй половине XIX в. бо́льшая часть безземельных образовала новые села — Малый Карачай, а часть бывших крепостных переселилась в Турцию[64]. В результате сословно-социальная структура карачаевского общества резко нарушилась, доля привилегированных слоев в старых аулах Большого Карачая искусственно возобладала[65], и наиболее бросающиеся в глаза особенности их образа жизни некоторые авторы стали, по-видимому, распространять на всех карачаевцев. Вероятно, полуоседлый образ жизни как реликт былого кочевничества сохранился лишь среди этой высшей, родовитой части карачаевского общества. Такой вывод хорошо согласуется с давно отмеченной высокой социальной престижностью кочевания у скотоводческих народов, которые ведут или вели ранее кочевой образ жизни[66]. Скотоводство полуоседлой части карачаевцев было представлено горно-яйлажным (если существовал сезон зимнего стойлового содержания) или горно-пастбищным (при отсутствии такого сезона) вариантами.

Последний вариант — модификация пастбищного типа скотоводства кочевников, сложившаяся в условиях горной местности при использовании сезонных пастбищ в высокогорье (летом) и в нижних частях долин либо на предгорных равнинах (зимой). Однако при яйлажном типе скотоводства выживание стада в зимний, самый тяжелый с точки зрения обеспеченности кормами период, зависит уже не от меняющихся год от года природных условий (глубины снежного покрова, количества и продолжительности буранов, случаев гололеда), а от величины запасов сена и других кормов, т. е. в конечном счете от труда скотоводов в предшествовавший сезон. Это обусловливает гораздо бо́льшую стабильность поголовья и поступления продукции скотоводства; имеет место подъем отрасли на качественно более высокий уровень этнокультурной адаптации.

Балкарцы в XIX в. не сохранили элементов полуоседлости; на отдаленные летние и зимние пастбища у них уходили только мужчины-пастухи[67]. Впрочем, имеется точка зрения, что содержание основной массы скота в течение всего года вдали от селения на подножном корму и его перегоны пастухами между сезонными летними и зимними пастбищами якобы свидетельствует о том, что эта ФС унаследована непосредственно от кочевников-тюрок и балкарцы в конце XIX в. сами

---

[60] *Иваненков Н. С.* Карачаевцы.— Изв. о-ва любителей изучения Кубанской области, вып. 5. Екатеринодар, 1912, с. 55—57.

[61] *Тепцов В. Я.* Указ. раб., с. 83.

[62] *Талицкий Н. Е.* Очерки Карачая.— СМОМПК, вып. 40, 1909, с. 44.

[63] *Плетнева С. А.* Указ. раб., с. 78.

[64] *Талицкий Н. Е.* Указ. раб., с. 45, 49.

[65] *Щукин И. С.* Материалы для изучения карачаевцев.— Русск. антропол. журн., 1913, № 1/2, с. 44.

[66] *Goldschmidt W. A.* General Model for Pastoral Social Systems.— In: Pastoral Production and Society. Cambridge — Paris, 1979, p. 26.

[67] *Асанов Ю. Н.* Поселения, жилища и хозяйственные постройки балкарцев. Нальчик, 1976, с. 106; *Караулов Н. А.* Болкары на Кавказе.— СМОМПК, вып. 38, отд. 1, 1908, с. 141; *Шикова Т. Т., Бозиев А. Ю.* Культура и быт балкарцев в XVIII — начале XIX века.— В кн.: Очерки истории балкарского народа. Нальчик, 1961, с. 173.

переживали «период перехода к оседлости»[68]. Такое утверждение представляется нам ошибочным, так как описан ярко выраженный горно-перегонный вариант скотоводства (или «трансюманс»), существовавший лишь у оседлого населения. Подобный вариант бытовал не только у балкарцев, но и у жителей Грузии, Дагестана, Швейцарии и многих других горных районов мира[69].

Встречающееся иногда отождествление хозяйства и ФС оседлых горцев и полуоседлого или полукочевого населения, имеющего сезонную оседлость и сравнительно развитое земледелие, неоправданно. Это принципиально разные модели хозяйства и образа жизни, и, как показал на обширном материале известный географ и этнограф де Пляноль, переход от второй к первой обязательно предполагает период господства оседлого земледельческого хозяйства с придомными ФС. Только позднее, после полного отмирания традиций кочевания всей семьей и при наличии благоприятных природных условий, формы придомного скотоводства могут эволюционировать в формы подвижного (пастушеского) скотоводства[70].

Нехватка пастбищных и сенокосных угодий вблизи аулов, обычно расположенных в ущельях горных рек, определила малое распространение у балкарцев и карачаевцев выгонного варианта скотоводства. Наряду с горно-перегонным большое значение у них имел также горно-отгонный вариант скотоводства со стойловым содержанием скота зимой на удаленных от селений базах (зимние коши); заготовке сена поэтому уделялось первостепенное внимание[71].

Среди причин, вызвавших эволюционные изменения ФС балкарцев и карачаевцев, основной является переход равнинных и предгорных пастбищ под контроль монголо-татар, а позже адыгов. В сочетании с невозможностью зимнего содержания скота в горах на подножном корму это воспрепятствовало сохранению пастбищного типа скотоводства (в его горном варианте). Поголовье скота должно было резко сократиться, а тюркоязычное население гор — перейти сначала к горно-яйлажному варианту.

Судя по реконструкциям специалистов в области физической географии в XIII—XIV вв. бóльшую часть Центрального Кавказа занимали леса, а в субальпийском поясе — кустарниково-редколесные формации. Площадь естественных сенокосов и доступных пастбищ была невелика, а потому и поголовье скота, особенно по отношению к численности населения, не могло быть значительным. Это не способствовало сохранению горно-яйлажного скотоводства и связанных с ним перекочевок у всего тюркоязычного населения гор. К тому же трудности передвижения и нехватка пастбищ в горно-лесных ландшафтах вообще препятствуют проникновению в такие районы кочевников и длительному сохранению в них кочевого образа жизни[72]. Видимо, предки балкарцев и большинства карачаевцев сравнительно быстро перешли к оседлости и придомно-стойловому, а затем и отгонному типам скотоводства

Этносам с традиционной культурой обыкновенно свойственна тенденция к самообеспечению и хозяйственной замкнутости в пределах освоенной территории[73]. В частности, тюркоязычные горцы на протяжении XIV—XVI вв. почти не имели связей с Кабардой[74]. Даже в се-

---

[68] *Асанов Ю. Н.* Указ. раб., с. 106—107, 110—111.

[69] *Шамиладзе В. М.* Указ. раб., с. 45—47.

[70] *Planhol de X.* La garde du betail dans la plaine Pamphylienne.— Bull. Assoc. Geogr. Français, 1950, № 212—213, p. 131, 136—137.

[71] *Тульчинский Н. П.* Пять горских обществ Кабарды.— Терский сборник, вып. 5. Владикавказ, 1903, с. 173; *Шаманов И. М.* Скотоводство и хозяйственный быт карачаевцев в XIX — начале XX в., с. 91.

[72] *Planhol de X.* Le nomades, la steppe et la fôret en Anatolie.— Geogr. Z., 1965, B. 53, № 2—3, S. 102—105, 116.

[73] *Bates D. G.* The Role of State in Peasant-Nomad Mutualism.— Anthropol. Quat., 1971, v. 44, № 3, p. 1116.

[74] *Мизиев И. М.* О позднесредневековых поселениях и жилищах балкарцев и карачаевцев.— В кн.: Кавказ и Восточная Европа в древности. М.: Наука, 1973, с. 243.

редине XVIII в., когда контакты с кабардинцами стали обычными, балкарцы, например, в богатые травами и хлебом годы заготавливали достаточные запасы кормов и также прерывали сношения с жителями предгорной равнины, не пригоняя на их земли скот для зимнего выпаса[75]. Таким образом, горно-перегонная ФС у балкарцев и карачаевцев возникла сравнительно поздно, причем они временами отказывались от нее, полностью переходя на отгонное и выгонное скотоводство. То же самое, видимо, можно сказать о горно-пастбищной ФС полуоседлой части карачаевцев, сохранявшей яйлажное скотоводство. Во многом эта ситуация объяснялась состоянием кормовой базы скотоводства горцев. Сено они получали с орошаемых, главным образом пойменных лугов, площадь которых невелика и практически не могла быть увеличена. Вероятно, почти все эти луга использовались уже на ранних этапах истории. Но первоначально площадь доступных для скота альпийских лугов в залесенных Балкарии и Карачае была тоже незначительна, и величина стада могла быть ограничена также нехваткой летних выпасов. Ресурсы для летнего пастбищного и зимнего стойлового содержания скота были более сбалансированными, и потому бо́льшая, чем в ко́нце XIX в., часть поголовья содержалась в условиях горно-отгонного и выгонного, а отчасти и яйлажного типов скотоводства.

По мере роста населения залесенность Центрального Кавказа уменьшалась. Даже в начале XX в. отмечалось, что «нуждаясь в полянах для пастьбы скота или сенокоса, карачаевец беспощадно вырубает леса»[76]. В таких ныне засушливых и безлесных районах, как Большой Карачай, жители на рубеже XIX—XX вв. еще помнили об уничтожении прежних сосновых боров[77]. В естественном типе высотной поясности Центрального Кавказа травянистые формации представлены только степями в предгорьях и лугами в альпийском и части субальпийского поясов (на высотах менее 600 м или более 1800 м над уровнем моря)[78]. Видимо, особый стимул наступлению человека на леса придало похолодание XVII — середины XIX вв., когда из-за понижения границы ледников и вечных снегов площадь альпийских пастбищ сокращалась, а условия существования древесной растительности в верхней части лесного пояса ухудшались[79], что облегчало ее уничтожение.

Большинство современных горных степей и лугов Балкарии и Карачая образовалось на месте сведенных лесов или субальпийских кустарников, т. е. имеет антропогенное происхождение, но их продуктивность значительно выше, чем у естественных альпийских лугов[80]; к тому же послелесные и субальпийские луга намного доступнее. Таким образом, летняя кормовая база постепенно возрастала, зимняя же оставалась практически прежней, так как в горах транспортировать сено на дальние расстояния почти невозможно. Этот несбалансированный импульс к росту поголовья скота реализовался за счет возникновения и неуклонного увеличения удельного веса горно-перегонного и горно-пастбищного (у высших сословий Карачая) вариантов скотоводства, оба — с зимним выпасом в предгорьях и на равнине. Обеспечивавшееся таким образом увеличение численности домашних животных в свою очередь требовало дальнейшего расширения площади летних пастбищ в горах и усиливало натиск человека на остававшиеся леса. В итоге благодаря развитию скотоводства «за последние 150—200 лет...

---

[75] *Лавров Л. И.* Указ. раб., с. 84.

[76] *Чурсин Г. Ф.* Поездка в Карачай.— Изв. Кавказск. отд. РГО, т. 23, Тифлис, 1915, № 3, с. 256.

[77] *Кобычев В. П.* Указ. раб., с. 26, 161; *Талицкий Н. Е.* Указ. раб., с. 34; *Щукин И. С.* Указ. раб., с. 32.

[78] *Гребенщиков О. С., Зимина Р. П., Исаков Ю. А.* Западный и Центральный Кавказ. Природные экосистемы и вертикальная поясность.— В кн.: Альпы — Кавказ. Современные проблемы конструктивной географии горных стран. М.: Наука, 1980, с. 181, 191.

[79] *Турманина В. И., Володина Е. Р.* Динамика растительности Приэльбрусья.— В кн.: Высокогорная геоэкология. М., 1976, с. 27—28.

[80] *Долуханов А. Г.* Верхние пределы леса и субальпийский пояс в горах Кавказа.— В кн.: Высокогорная геоэкология, с. 46—48; *Куракова Л. И.* Указ. раб., с. 101.

был почти целиком уничтожен пояс коренных лесов»[81] в Балкарии и многих других районах Центрального Кавказа.

Усиление роли перегонной и пастбищной ФС за счет более интенсивных отгонной, выгонной и яйлажной ФС, наблюдавшееся у балкарцев и карачаевцев в XIX в., явилось, таким образом, следствием не только политической стабилизации на Кавказе и укрепления хозяйственных связей горцев с кабардинцами и русскими, но и результатом изменения кормовой базы скотоводства внутри Балкарии и Карачая.

Краткий анализ исторической динамики форм скотоводства тюркоязычных народов Северного Кавказа (балкарцы, карачаевцы, кумыки, ногайцы, ставропольские туркмены) демонстрирует весьма значительную роль экологических факторов в этом процессе, которую нельзя игнорировать. Особенно важно отметить, что часто решающее влияние на развитие скотоводства у этих народов оказывали те антропогенные изменения природной среды, которые сами явились результатом предшествовавшего развития данной отрасли хозяйства.

Сказанное, однако, вовсе не означает признания экологических факторов единственными либо ведущими в эволюции хозяйства. Отнюдь не отрицая значения социально-экономических и этнокультурных факторов, мы лишь вынесли их, как более изученные, за рамки работы.

[81] *Серебряный Л. Р., Малясова Е. С., Ильвес Э. О.* К истории антропогенного воздействия на высокогорную растительность Центрального Кавказа.— В кн.: Антропогенные факторы в истории развития современных экосистем. М.: Наука, 1981, с. 124.

Е. П. Наумов

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ И БОСНИИ

(Динамика этносоциальных общностей XII—XIII вв.— от раннефеодальных к феодальным народностям)

Сложные и неравнозначные процессы этнического развития на территории современной Югославии (в частности, в рамках СР Сербии, СР Боснии и Герцеговины, СР Черногории и некоторых приморских районах СР Хорватии), которые в известной мере уже освещались в буржуазной историографии начала XX в.[1], являются важным предметом исследований современных югославских ученых. Этой проблематике применительно к эпохе развитого феодализма посвящены монографические статьи, отдельные доклады и специальные разделы в трудах общего или справочного характера, где рассматривается развитие этнических общностей той поры (сербской, хорватской и др.)[2]. Наряду с ними следует особо указать на выступления в научных дискуссиях по вопросам этнической принадлежности населения СР Черногории[3] и СР Боснии и Герцеговины в этот период[4].

[1] См., например: *Станојевић С.* Историја српскога народа. Београд, 1908; *Новаковић С.* Неколика тежа питања српске историје.— В кн.: Из српске историје. Београд, 1966.

[2] См., например: *Ивић П.* Српски народ и наш језик. Београд, 1971; *Grafenauer B.* Die ethnische Gliederung und geschichtliche Rolle der westlichen Südslawen in Mittelalter. Ljubljana, 1966; *Ćirković S.* Srbi. Etnicki razvoj.— In: Enciklopedija Jugoslavije. T. 7. Zagreb, 1968; *Božić I. i dr.* Istorija Jugoslavije. Beograd, 1972; *Janković D.* Srpska država i nastajanje srpske nacije.— In: Postanak i razvoj srpske nacije. Beograd, 1979; *Đurđev B.* Uloga crkve u starijoj istoriji srpskog naroda. Sarajevo, 1964; и др.

[3] Подробнее см.: *Живковић Д.* Најновија историја црногорског народа.— Стварање (Титоград), 1977, № 6; *Ђурђев Б.* О постанку црногорског народа.— Историјски записи, 1980, № 2; Етногенеза Црногораца и марксистичко одређење нације.— Пракса (Титоград), 1981, № 4; *Brković S.* O pastanku i razvoju crnogorske nacije. Titograd, 1974; *Kulišić S.* O etnogenezi Crnogoraca. Titograd, 1980.

[4] См. выступления и дискуссии на тему: «Проблемы этнического развития в Боснии и Герцеговине».— В кн.: Прилози, год XI—XII, № 11—12. Сарајево, 1975—1976; и др.